

14.12.96

Культура. — 1996 —
14 дек. — с. 12

Большая "семья" Корогодского

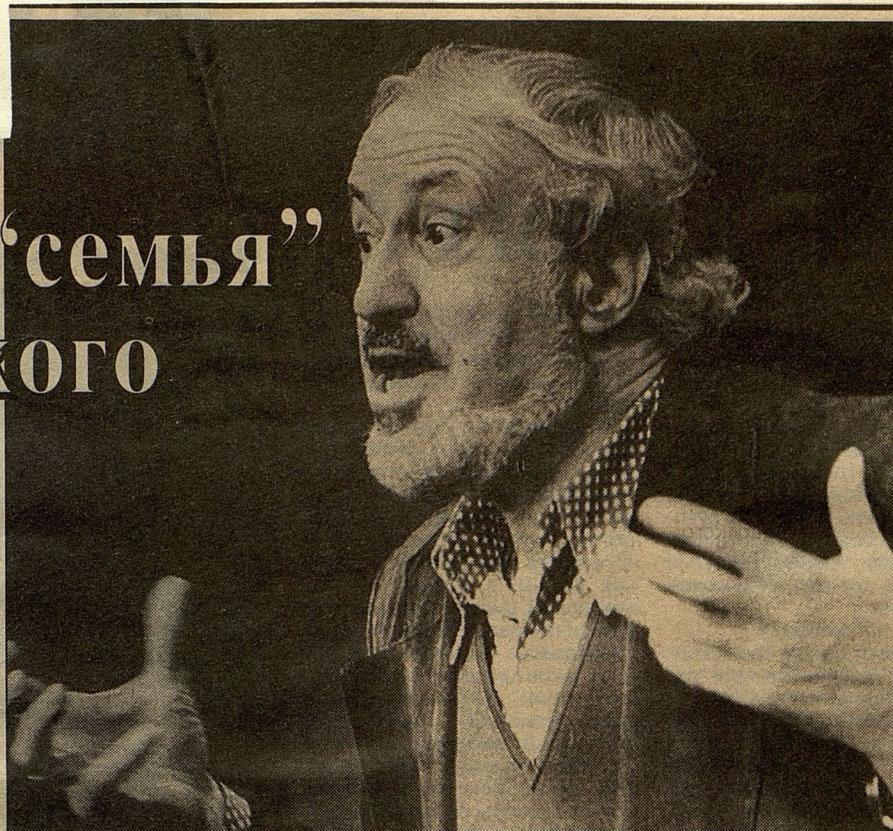
ЮБИЛЕИ

Гостей оказалось больше, чем мы ожидали: приехал и задумчивый Тараторкин, и маленькая Соколова в глинном черном платье, и высокая Шуранова тоже в чем-то черном, был также драматург Розов. Во главе звездной команды Ленинградского тюза 60–70-х годов шел Корогодский. Их тогдашний главный режиссер. Когда-то ему пришлось уйти из легендарного Ленинградского тюза и преодолеть множество преград. Но он смог создать новый театр, собрать новых учеников, смог найти себя, ибо, по его же словам, лучшее — всегда впереди. В нынешнем году Зиновию Яковлевичу Корогодскому исполнилось семьдесят лет.

— Зиновий Яковлевич, для нас, школьников семидесятых, тюз был тем местом, где царил вечный праздник. Это наше детское ощущение или взрослая реальность?

— Есть актеры, режиссеры, очень талантливые, замечательные мастера, но душевно они настроены как бы "на себя", а не на отдачу. Мы были настроены — и я до сих пор так настроен, за что благодарен природе, — на надежду и радость. Хотя я, в общем, довольно грустный человек. Ведь это нелегкое дело — театр, да еще чтобы он был живым и здоровым. Это и передавалось вам — наше душевное здоровье, благорасположенность к зрителю.

Театр — это не только спектакль той или иной степени совершенства, это еще и энергетическое поле, то, что идет со сцены в зал. Я счастлив, что многие наши юные зрители смогли впитать в себя эту атмосферу надежды, веры и любви. Я и до сих пор считаю, что переход нашей жизни на

коммерческо-расчетливый путь чреват опасными последствиями. Для русского искусства особенно. Думаю, что недалек тот час, когда придется опомниться всем, остановиться и защитить все то, что свойственно именно нашему театру, — его воодушевление, его пафос служения людям.

— Режиссером рождаются или становятся?

— Ни о какой другой профессии, кроме режиссерской, я в отрочестве не мечтал. Теперь театр — моя работа, моя жизнь. Как это произошло? Не знаю. Может быть, это связано с моим особым детством, впрочем, детство у каждого из нас особенное. Когда я был маленьким, мама надолго оставляла меня одного — ей приходилось много работать. Мне надо было заполнять чем-то это бесконечное время. Знаете, что такое сутки в детстве, если ты один? Это ужасно. Нам только кажется, что дети счастливы. На самом деле, это драматически живущий народ, даже при хороших родителях. И вот я в своем одиночестве, в своих страшилках, в своих тайнах фантазировал, играл, сочинял Театр. То под столом, то на каком-нибудь чердачке, то в каком-нибудь

подвальчике. И втягивал в это дело своих приятелей. Ведь эта игра очень увлекательна. Жили мы в старом сибирском городе Томске. Там было много цыган. Они манили меня своим шумным, пестрым, свободным бытом. Колоритный, театральный мир. А когда в наш город приезжал цирк — шапито, я умудрялся пролезать под брезентовый шатер задолго до начала представления, выбирал укромное место и смотрел, смотрел... Эта яркость и жестокость одновременно притягивали невероятно, и я думал, что когда-нибудь смогу сделать свой цирк.

— И вы сделали "Наш цирк", и "Наш, только наш", и "Наш Чуковский". Вот где была умора, вот где была потеха! Это, наверное, самые любимые спектакли?

— Когда создаешь спектакль, то кажется: вот это лучшее, что я сделал. Проходит время, и уже думаешь: могу и лучше. И так — без конца. Это, наверное, нормальный творческий процесс. Сегодня я уже, конечно, не тот, каким был тридцать лет назад. Накопилось много впечатлений — и от общения с коллегами, и от знакомства с дру-

гими странами, другим искусством. Иногда приходится слышать от людей, которые были поклонниками Ленинградского тюза в 60–70-е годы, они вспоминают старые постановки. И говорят: если бы увидеть их вновь, ведь там никакой политики, только любовь. Я им отвечаю: это невозможно, другое время, очень многое ушло безвозвратно. Играли актеры в этих спектаклях с азартом. А задумывался триптих "Наш..." во имя очень серьезных целей — это и дань нашей любви цирку, и воспитание чувства жанра, театральной формы, эстетического вкуса. И эти серьезные намерения осуществились. Мы приезжали в школы и видели, как ребята играют в "Наш, только наш". В 80-х годах в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии появился знаменитый спектакль "Ах, эти звезды!". Думаю, "по следам" Тюза. Во всяком случае, не без его влияния.

Впрочем, о наших прошлых заслугах судить не мне. Тем более что лучшее — впереди.

— Ныне вы — руководитель творческого центра "Семья" и "Театра поколений", существующего в рамках центра. Как вы себя чувствуете в этом качестве?

— Жизнь всегда непроста, даже если она обеспеченна. Есть материальные трудности, но есть и моральные — любовь, нелюбовь, равнодушие, ненависть. Да, нынешняя экономическая ситуация деформирует жизнь, особенно юных, во многом мешает творчеству, театру. Но может быть, несогласие с этой ситуацией и дает новый импульс энергии, как бы альтернативный миру, который нас окружает и который, несомненно, болен. И театр здесь как врач — едет в карете "скорой помощи" туда, где его ждут с тревогой и надеждой. Творческий центр по принципу "семья-театр", что мне кажется наиболее верным в наше время.

Недавно творческому центру "Семья" и "Театру поколений" исполнилось шесть лет. Сегодня в репертуаре театра двенадцать спектаклей. Мы много гастролируем. Этим летом были в Японии, играли "Пространство инстинкта" — спектакль, объединяющий двенадцать новелл мировой классики о животных и о людях.

Хотим восстановить и "Бемби". Кстати, работа над "Бемби" уже идет — репетируют спектакль мои ученики: я заведу кафедру режиссуры и актерского мастерства в Гуманитарном университете профсоюзов. Ребята пока мне ничего не показывают, говорят, пригласят только тогда, когда смогут быть уверенными в своей работе.

Беседу вела Марина КРОВОТА